

«Мы стоим на пороге создания детского НКВД»

Общественные организации обеспокоены содержанием ювенальных законов, которые обсуждаются в Госдуме

Ирина ОШУРКОВА

В последнее время в Екатеринбурге разразились нешуточные страсти по поводу законопроектов, которые предполагают установить общественный контроль за обеспечением прав детей в нашей стране. Поводом для широкого обсуждения темы послужили несколько событий: столица Среднего Урала принимала международный автопробег движения за семейные ценности, а в начале июля в Москве и Нижнем Новгороде состоялись митинги против ювенальной юстиции и прочих «либеральных реформ». Отсюда цепочка выстраивается легко: главная семейная ценность – воспитание детей, а как оно может измениться, если в процесс постоянно начнут вмешиваться надзорные структуры?

Если конкретней, то речь идет о законопроектах ФЗ №3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» и ФЗ №42197-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патронажа и деятельности органов опеки и попечительства». Госдума должна была принять их 19 июня, но слушания были отменены. Общественники считают, что это произошло благодаря широкому протесту по всей стране, ведь накануне было собрано 65 тысяч подписей (на Свердловскую область из них пришлось 11 тысяч) против вообще ювенальной юстиции и конкретно – названных выше проектов федеральных законов.

Чего боятся родители

Если коротко, то боятся родители того, что у нас станет как на Западе. Когда капризный отпрыск, которого заставили прибраться в своей комнате, не отпустили гулять ночью с друзьями, в воспитательных целях шлепнули разок по мягкому месту или не купили очередную дорогую игрушку, может «накапать» куда следует. Придет специальная комиссия и лишит родителей права воспитывать такого ребенка. Как рассказала Ирина Пермякова, участница общественного движения «Суть времени», основные опасения родителей связаны с тем, что органы опеки будут наделены гораздо большими полномочиями и смогут изымать детей из семей по любой клеветнической анонимке. И не пускать в квартиру контролирующие органы никто из мам-пап не сможет – чревато последствиями.

При этом нет четких определений, какие именно нарушения противостоят нормальному воспитанию и развитию ребенка. Нет яблочка в холодильнике? Или мяса во время поста? В зону риска автоматически попадают многодетные семьи, которые, как правило, живут не богато. Решение изымать ребенка чиновник будет принимать на своё усмотрение, – делится своими сомнениями общественница.

С другой стороны, нововведения грозят развить детей ещё больше. Имеется в виду идея приёма на работу в каждую школу и даже детсад штатного омбудсмена, который бы подстрекал несовершеннолетних ябедничать на своих домашних.

Мы стоим на пороге создания детского НКВД, репрессивного органа против родителей, – говорит протоиерей Максим Обухов, руководитель православного медико-просветительского Центра «Жизнь» из Москвы (он сопровождает Ченстоховскую

икону в международном автопробеге). – Если это произойдет, то все усилия в выводе страны из демографического кризиса будут сведены на нет. Тот же западный опыт показывает, что ограничение родительских прав – самый действенный способ сокращения рождаемости.

Завершить обзор родительских претензий к законопроектам можно ещё одним мнением.

–Знаете, кто лоббирует такие проекты? Гомосексуалисты и коррупционеры. Первые не могут иметь своих детей, а вторых, с плохой генетикой из детдомов брать не хотят – им здоровых подавай. Вторые потирают руки, предвкушая, что внедрение новой системы, образование новых ведомств откроет необятные просторы для мздоимства, – столь радикален ещё один москвич Игорь Белобородов, директор института демографических исследований.

Что думают омбудсмены

За комментарием мы обратились к Игорю Панькову, руководителю аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области.

–Вмешательство государства всё равно необходимо, – говорит Игорь Паньков. – Мы сколько раз сталкивались со случаями, когда родители пьют, ребенок голодный, больной... Если опека берётся за такую семью – значит, есть все основания. Последнее обращение от екатеринбургского городского родительского комитета по поводу, якобы, незаконного изъятия детей было полтора года назад. И должен сказать, это оказался пример того, как общественные организации не должны работать: информация оказалась непроверенной. Наша же проверка показала, что обе семьи, которые и упоминались в сообщении, на протяжении шести лет до изъятия были на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних. За всё это время мамы никак не хотели исправиться, детей в реабилитационных центрах не посещали...

Что касается ошибочных изъятий, то, как говорят в народе, от дурака никто не застрахован. Бывают такие случаи, когда человек, получающий определённую власть, начинает перегибать палку. И я вполне допускаю, что такие некавалифицированные сотрудники могут попадаться в органах опеки. Но ведь при изъятии ребёнка заведено столько разных ведомств (комиссия ПДН, опека, суд, аппарат уполномоченного), что от воли конкретного чиновника мало что зависит. Наверно, произвол возможен, и периодически мы слышим о таких случаях. Но это настолько редко, что считается исключением по сравнению с тем, скольким ребятам новые законы действительно помогают.

Взять один из последних случаев, когда в Москве мама выбросила с 15-го этажа двух детей и спокойно так объясняет: «Они мне надоели». Семья не попала в поле зрения опеки, считалась вполне обычной, но сразу думаешь: если бы кто-то из соседей мог поделиться своими сомнениями по поводу психического здоровья матери, может, и не было бы такой трагедии. Или наши примеры, когда в Серове отец пять лет насиловал свою дочь, в Берёзовском – четыре года насиловал двух мальчиков, один из которых был приёмным сыном. Поразило то, что никто этого не замечал – ни учителя, ни соседи, а дети сами не знали, куда обратиться.

К тому же в Свердловской области очень хороший закон об Уполномоченном по правам ребенка, у нас очень много полномочий, ко-

ФАКТЫ

Собственная статистика, которую ведёт аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Свердловской области, показывает, что детей гораздо больше, чем в семье, поджидает опасностей на улице, во дворах и на дорогах. Так, за шесть месяцев этого года на Среднем Урале в ДТП погибло 19 детей (до этого за весь год было 9-12), травмировано 113. Взрослые в этих случаях являются виновниками в два раза чаще, чем дети. В пожарах закончилось 12 детских жизней, пятеро детей погибли, выпав из окна или попав в открытые люки. Утонуло девять детей. По

различным другим ЧП (например, когда мама отравила пьяным грудным молоком своего кроху) пострадало 102 ребенка, 46 из них скончались. На долю того самого пресловутого насилия в семье приходится шесть случаев (в двух – ребенка побили родственники, в четырех – сожители, как правило, мамы). При этом случаев насилия зафиксировано 32. То есть остальные попали под горячую руку либо знакомых, либо незнакомых на улице, либо педагогов. Чаще всего в эту статистику попадают ребята от восьми до 13 лет.

которые, мы специально сравнивали, коллегам из других областей не предоставляли. При поступлении сигналов мы можем проверять любые учреждения. Так что, думаю, по крайней мере жители нашей области не стоит опасаться явных случаев злоупотребления, незаконного изъятия из семьи – мы всегда готовы провести независимое расследование.

Родители боятся, что начнут изымать детей из бедных семей... Не думаю, что это свойственно для России. Ведь вся государственная политика сейчас направлена на то, чтобы ликвидировать даже детские дома.

Я сам работал в органах соцзащиты в Чкаловском районе Екатеринбурга, знаю, как это происходит. На моей практике был такой показательный случай: в благополучной семье умерла мама, папа не смог справиться с навалившимися сложностями – завил, перестал следить за своими двумя сыновьями. Да, детей мы временно поместили в социальный приют. Но папе хватило четырех месяцев, чтобы прийти в себя, восстановиться на работе, рассчитаться с долгами, все выходные он проводил с детьми – о каком лишении здесь может идти речь? Семья восстановилась.

Законы нужны, но нужно, во-первых, четкое разграничение, что именно является насильем. Подзатыльник за курение? Окрик на то, что с немытыми руками полез за чистыми фруктами? А, во-вторых, вы никогда не сравнивали, сколько в нашей Конституции статей посвящено правам, а сколько обязанностям? Обязанностями ведь совсем немного – платить налоги, защищать Отечество. Но мы ведь все изучали философию, знаем диалектику и понимаем, что не должно быть перекосов в одну или другую сторону. А у нас в последнее время только права и права. Если мы восстановим баланс прав и обязанностей, то можем не бояться никакой ювенальной юстиции.

Идея школьных омбудсменов высказывалась не раз, и в некоторых регионах она нашла воплощение. Но я думаю, здесь количество не возьмешь – в школах и так много специалистов, начиная от завуча и заканчивая классным руководителем, которые в определенной мере должны замечать, что с ребенком что-то не так. Другое дело, что, наверное, не все школы заинтересованы выносить сор из избы: сообщение в комиссию ПДН – это ЧП для учебного заведения. В этом случае внештатные независимые омбудсмены могут помочь.

Мы же хотим обзавестись помощниками уполномоченного в городах области. Мы даже побеседовали с депутатами Заксобрания и предложили их помощников в избирательных округах оформлять на общественных началах, чтобы, уже имея свои приёмные, они могли вести и приём детей и подростков. Я думаю, что осенью займёмся воплощением этой идеи.

Что поясняет министр соцполитики

Мы сделали официальный запрос в областное министерство социальной политики, чтобы узнать, каких именно моментов касаются изменения в названных законопроектах.

Вот что пояснил министр Андрей Злоказов.

Первый законопроект – «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», как и следует из названия, предусматривает введение общественного контроля за обеспечением прав и законных интересов лиц в возрасте до 23 лет из числа этих самых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые находятся в соответствующих учреждениях.

Предполагается, что будут созданы общественные наблюдательные комиссии на федеральном и региональном уровнях. Они будут взаимодействовать с действующими государственными органами опеки и попечительства. Но не будут вмешивать-

ся в дела друг друга, дублировать или взаимосключать друг друга.

А вот их основные задачи:

- 1) содействие осуществлению прав детей;
- 2) подготовка предложений для совершенствования федерального законодательства и законов субъектов (конечно, опять же имеется в виду то, что касается детей);
- 3) информирование президента, правительства, Госдумы, уполномоченных и так далее, как соблюдаются права и законные интересы детей.

Сама общественная комиссия будет состоять из «лиц, обладающих специальными знаниями в области педагогики, психологии, юриспруденции, конфликтологии, медицины, психиатрии и иных наук».

В настоящее время, перед вторым чтением, законопроект дорабатывается.

Второй законопроект – «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления социального патронажа и деятельности органов опеки и попечительства», опять же, как и следует из названия, предлагает внести эти изменения в Гражданский и Семейный кодексы и два федеральных закона («Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и «Об опеке и попечительстве»).

–Таким образом, законопроект нацелен на обеспечение эффективной организации работы по раннему выявлению семей с детьми, находящихся в кризисной ситуации, по защите прав детей, проживающих в таких семьях, и по сохранению ребенка в его родной семье, – говорит министр. – Практика показывает, что при своевременной профилактике можно избежать лишения родительских прав.

В связи с этим новый документ предлагает ввести социальный патронаж – форму индивидуальной работы с ребенком, который ещё живёт (его куда-то не забрали)

в такой неблагополучной семье.

Что именно будут делать специалисты, описать довольно сложно: «выявлять ключевые причины семейного и детского неблагополучия», «восстанавливать способности семьи к безопасному воспитанию ребенка», «оказывать родителям помощь в реализации прав ребенка на образование, отдых, материальное обеспечение...» (видимо, устраивать в садик, летний лагерь). При этом регулярное посещение семьи – то, о чём говорили общественники, – действительно планируется. Но не для того, чтобы проверить, чего нет в холодильнике, а, например, чтобы психологи продиагностировали родителей.

И в завершение ещё одна статистика, которая заинтересует мам и пап.

К началу 2012 года в Свердловской области было 19660 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в 2010 году – 20301 ребёнок). Из них около 82 процентов (в 2010 году – 87 процентов) – это те дети, которые утратили родительское попечение по социальным причинам. То есть дети, у которых родители уклоняются от своих обязанностей или злоупотребляют правами – жестоко обращаются, больны хроническим алкоголизмом или наркоманией, находятся в местах лишения свободы.

В то же время в прошлом году в нашей области почти на 70 процентов уменьшилось количество детей, отобранных у родителей при непосредственной угрозе их жизни или здоровью. Так, если в 2010 году число изъятых детей составляло 148 человек, то в 2011 году – 45 человек. По сравнению с 2010 годом на 22,8 процента уменьшилось число детей, в отношении которых родители лишены или ограничены в родительских правах. Так, если за 2010 год 2750 детей остались без родительской «любви и ласки» по причине лишения, то за 2011 год – 2122 ребенка.

Сдвигается, что такое постепенное снижение тревожной статистики может произойти по нескольким причинам: или родители стали сознательнее и меньше обижать чад, или опека плохо работает и не выявляет «опасные» семьи. Или взаимосключающая причина: опека лучше работает и настолько кропотливо возится с неблагополучными родителями, что они реже попадают в печальные сводки.

Кто делает наших милых и добрых деток озлобленными монстриками: законы или нерадивые родители?

Как дети остаются без семьи

Мы попросили специалистов органов опеки и попечительства рассказать, как именно происходит изъятие ребенка из семьи. Чтобы у родителей, проникнувших волнением общественников, не сложилось впечатление, что это очень легко и просто – пришёл соцработник, увидел, что малыш в рваных колготках, взял его под мышку и унёс в детский дом.

В 2003 году в семье Кориных, что живёт на Химмаше в Екатеринбурге, произошло, казалось бы, счастливое событие – родился сын Семён (имя и фамилия изменены в интересах ребенка). Но... уже в октябре 2004 года семья, как находящаяся в социально опасном положении, была поставлена на учёт в районной комиссии по делам несовершеннолетних. Основанием послужило вот такое заключение специалиста: «неадекватное выполнение матерью своих родительских обязанностей: в доме – антисанитарные условия, мать не работает, злоупотребляет спиртными напитками, материальных средств нет, ребёнок постоянно голодный, продуктами и одеждой помогали соседи».

В апреле 2005 года помочь маме вызвались соцработники. На бюрократическом языке это звучит так – «семья была поставлена на социальный патронаж в отделение профилактики безнадзорности несовершеннолетних Центра социальной помощи семье и детям Чкаловского района». Но за время патронажа положение семьи существенно не изменилось. Каждый раз, когда приходили специалисты, в комнате был беспорядок, накурено – хоть топор ведай, Семёна, по большей части голодный и раздетый, возился в общем на несколько комнат коридоре, на улице гулял один без присмотра взрослых. Мало того, после каждого предупреждения об ответственности горе-мама пыталась скрыться, куда-то переезжала, словом, пропала из поля зрения сотрудников опеки. В 2008 году семья была снята с учёта, потому что в очередной раз сменила место жительства.

В июне 2010 года Корины вновь вернулись в свою комнату, но образ жизни родительницы не поменялся: она продолжала пить, водить домой пьяные компании, начала сдавать комнату, в которой сама жила с сыном. С сентября 2010 по январь 2011 года – опять пропала, и, где её искать, было неясно.

Можно было бы, конечно, предположить, что мама взялась за ум, повела сына на воды поправить здоровье. Да и такое возможно бы набраться сил, ведь Семёну подошло время идти в школу.

Но 15 января 2011 года в отдел по делам несовершеннолетних управления внутренних дел поступила жалоба от соседки мамы Коринной (по её первоначальному адресу). Жильцы её дома описывали всё то, что работницы ПДН уже знали. Когда для проверки сообщения пришла милиция, то обнаружила такую картину: матери дома не было, но на кровати спала неизвестная пьяная женщина. Семка сидел в кресле на грязном постельном белье рядом с бутылками из-под спиртного и пепельницей с окурками, хоть чего съестного в комнате не было. Со слов соседки, парнишка два дня ничего не ел, был предостережён сам себе (ну, взрослый же уже – в школу пойдёт), когда болен ветрянкой, гулял на улице.

Тут же выяснилось, что сама Корина больна открытой формой туберкулеза, но даже не пыталась лечиться. Это уже было последней каплей – на следующий день после проверки мальчишку отправили в больницу, где он пробыл почти до конца января. После Семёна попал в районный Центр помощи семье и детям. В мае он получил путёвку в детский дом, куда и переехал. За всё это время мама приезжала к сыну всего один раз.

Стоит ли говорить, что после почти семилетнего наблюдения материалы по семье Коринных были направлены в прокуратуру Чкаловского района. Далее прокурор инициировал иск о лишении мамы родительских прав и взыскания алиментов на содержание сына. Этот иск поддержал отдел опеки и попечительства, считая, что так будет лучше для мальчишки.

Остаётся добавить, что это как раз тот пример, когда Уполномоченный по правам ребенка в Свердловской области проводил собственное независимое расследование. В его заключении говорится, что «нарушений законных прав и интересов Семёна Корина не выявлено. Наоборот, необходимо отметить своевременность и правомерность действий сотрудников, «использовавших все возможные способы и методы воздействия на мать», и только после этого принимавших крайнее решение – изымать ребенка и лишать мать родительских прав».

«Мама не пей – я не хочу в детский дом»